

УДК 81'28

СИМВОЛИКА ТОПОНИМИЧЕСКИХ ОТСЫЛОК В НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., заведующий кафедрой общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматривается русская народная диалектная фразеология с топонимическими компонентами в качестве образной основы устойчивого выражения. Исследуется отражение культурно-семиотических характеристик топонимов различных классов (этнонимов, хоронимов, ойконимов, гидронимов) во внутренней форме диалектных фразеологизмов, соотнесенность топонимических сюжетов с традиционными мифологическими мотивами и представлениями. Характеризуется семантический спектр фразеологизмов с компонентами-топонимами, их стилистические особенности. Отмечаются особенности семантического преобразования пространственных характеристик в общеобщественные, определяется место топонимической фразеологии в диалектной картине мира.

Ключевые слова: диалектная фразеология; культурные коннотации русских топонимов; семантические особенности диалектного фразеологизма; народное фразеологическое творчество.

Имена собственные особенно предрасположены аккумулировать в своей семантике этнические, социальные, культурно-исторические и др. характеристики, т. е. способны терять индивидуализирующие характеристики и символически перерождаться, становиться средством выражения ценностных представлений. Для топонима способность соотноситься с фрагментом не реально-физического, а культурного пространства, представлять духовные сущности, мировоззренческие понятия особенно наглядно проявляется во фразеологическом микроконтексте.

Географические привязки в диалектной фразеологии задаются различными способами. Активно используются, например, этнонимы, содержащие отсылки к бытующим устойчивым представлениям о тех или иных национальностях. Во фразеологизме *ни к русским ни к пермякам* (о ни к чему не пригодном), зафиксированном в с. Юсьва, упоминаются названия двух основных народов Прикамья, география обитания которых, культурно-ценностные ориентации и психологические характеристики исторически достаточно сильно различались. Выражение строится по типу идентификации *ни к селу ни к городу* (о неуместности), в которой пространственная семантика (обстоятельственное значение) совмещена с выражением качественной оценки. Аморфность, неопределенность характеризуемого передается отсылкой к этнической принадлежности, которая воспринимается

носителями традиционной культуры как безусловно доминирующая ценность. В других выражениях с упоминанием тюркского населения Прикамья используется архаическое представление о чужом как аномальном, неправильном. Так, выражение *татара в голове поют (пляшут, молотят)* используется для характеристики шума в голове от усталости, боли и соотносится с восприятием чужой песенно-музыкальной культуры. С представлением о «чужом» связано и выражение *татарам на хмель* (означающее что-либо бесполезное), в котором отмечается «равнодушие» татарского населения ко всему опьяняющему.

Другой способ символического переосмысления топонима связан с указаниями на ту или иную страну. Так, в уральском возгласе *ангелы в Китаях* восточный сосед России *Китай* упомянут как общий знак неприняемого, чужестранного. Упоминание «чужих» Китая *ангелов* (из греч. 'вестник, посланец бога'), известных исламу, иудаизму, но не буддизму и даосизму, основным религиям этой восточной страны, служит выражению крайней степени удивления. Пермский оборот *в Америку ходить по берегу (обезьян ловить)* используется как шутивная отговорка на вопрос «куда идешь?». Поскольку Америка в наивном географическом мифологизированном восприятии соотносится с низом, противоположной стороной; мотив ухода в Америку легко мог осмыслиться в связи с темой

не только физического исчезновения, но и опьянения, сна и смерти: ср. укр. *nitiu yak do Ameriky* ‘долго не возвращаться’, немецкое диалектное *dee hett eenen nah Amerika schickt* – буквально ‘его послали в Америку’ (о психически ненормальном), также немецкое *dee is all in Amerika* – дословно ‘он полностью в Америке’ (о том, кто уже спит, забылся, задумавшись о деле, или давно умер). Очевидны близкие ассоциации чужой страны как инобытия в сибирском выражении *залить Америку* ‘наговорить лишнего, неправды’.

В противоположность этому сюжету частый в русской народной фразеологии образ выхода на Русь представляет рождение, выздоровление, преодоление трудностей: пермское *выйти на Русь* ‘родиться’, а также ‘выйти к людям после долгого сидения дома’; орловское, брянское *на Русь выйти* ‘выздороветь, пережить трудное время’. Еще А.А. Потемной в свое время было указано, что *выйти на русь* означает ‘спастись, вернуться из татарской неволи’ [Потемня 1968: 138]. Выражение также реализует известную мифологическую антиномию «свое – чужое».

Закрепленными в народном сознании могут быть те или иные ассоциации с названиями определенных территорий. Хороним использован в пермском выражении *уехать в Сибирь* ‘ошибиться в каком-либо деле’; во фразеологизме реализовано старое отношение к Сибири как к дикому, малообжитому месту (миграции пермяков в Сибирь и их обратное возвращение на Урал хорошо известны из истории). Отмечены и другие символические прочтения Сибири. Так, в вологодском выражении *до Сибири съездить* ‘родить’ эта территория предстает как особое мифологическое пространство, место приобретения сверхъестественных сил и способностей [Федорова, Сливинский 2013].

Среди названий городов наиболее частотно во фразеологизмах упоминание *Москвы*. Москва для русских семиотически определяется как locus святости, как своеобразный рай, вечно жизненный, неуничтожимый в пожарах и войнах и оттого наделенный идеей исконности и изначальности город [Топоров 1995: 73]. Москва в ряде фразеосюжетов предстает как место, откуда исходит сама жизнь, о чем костромское *в Москву съездить* и псковское *с Москвы приехать* ‘родить’, уральское *в Москву съездить* ‘родить мальчика’, пермское *в Москву по булавки съездить* ‘родить девочку’. Выражения повторяют известную мифологему актуализации человеческой жизни посредством посещения святых мест. Таковы и идиомы в других языках, где упомянуты святые места, т. е. места, «населенные» не только предками, но и потомками, где концен-

трируются потенции жизни, в частности, немецкое *sie ist nach Rom gegangen* – дословно ‘она ушла в Рим’ (о рожаящей). Забвение идеи приводит к тому, что посещение любого другого города (и даже райцентра) представляется как рождение ребенка, ср.: пермское *в Казань по булавки съездить* ‘родить девочку’. Впрочем, можно предположить, что здесь отражено также народное представление о Казани как месте соединения двух миров, западного и восточного, как о жизнедающем локусе (дополнение *по булавки* снижает эту идею, юмористически представляет сюжет как совершение дальнего путешествия с пустячными целями).

«Убытие» в Москву в связи с указанными коннотациями города как мистического места становится еще и знаком исчезновения, что представлено в шутовском кировском *уехать в Москву* ‘находиться неизвестно где’. Близкое к нему пермское *уехать в Москву* ‘ошибиться в каком-либо деле, расчете’ дополнительно связывается с идеей дальности и труднодоступности столицы (ср. также пермское *в каменну Москву пробраться* ‘достичь невозможного’). Дальность Москвы легко переосмысливается и для выражения количественных характеристик, как в пермском *до Москвы мостки поставить* ‘много’ (*У девки кавалеров – до Москвы мостки поставить*). «Демонстрация» Москвы составляет сюжет выражения *Москву показать* – о розыгрыше детей, когда их поднимают вверх, сжав голову ладонями. Международный характер сюжета (немецкие соответствия шутке – *wist du Hamburg (Lübeck, Bremen, England) mal seihn?* – дословно ‘хочешь Гамбург (Любек, Бремен, Англию) увидеть’) говорит о его неслучайности, возможно, даже о наполненности достаточно серьезным содержанием. Отраженная в нем идея показывания ребенку чего-то исключительного сродни бессознательной народной философской пропедевтике: ребенку доступно внушается простая истина о том, что попытка воспринять необычное, в том числе священное, сопряжена с определенной долей страдания.

Активно используется во фразеологии собственно пермская топонимика. Фразеологически осмыслена главная река Прикамья: в пожелании уйти прочь, убираться *Толку нет – иди за Каму* «учтена» мифологическая идея реки как медиатора между своим и чужим. Камские болота могут быть соотнесены с идеей бесследного исчезновения (ср. вологодское, иркутское, пермское *провалиться в камский мох* ‘бесследно пропасть’). Кама как локус, также связанный с инобытием, нередко появляется в качестве места, куда отправляются болезни, и в фольклорных текстах например, в заговорах: *Текёшь ты, река,*

в Каму, унеси мою тоску в яму (п. Уролка, Соликамский район); Матушка Кама, течёшь ты не прямо, завори от меня уроки и призоры... (в заговоре на отведение сглаза, с. Б. Долды, Чердынский район).

В диалектном употреблении в качестве символических основ выражений встречается и обращение к названиям небольших топообъектов. Пермское как амборцы (петь) 'не в лад, заунывно' содержит упоминание названия жителей чердынской деревни, которые в прошлом занимались бурлачеством. Чернушинское выражение *Иди в Аишу налево* представляет собой шутовую брань на основе каламбурного обыгрывания названия деревни *Аиша* (из тюркского *хаиша* 'веселый'). Пермское выражение *Иштеряки видать* (о слабо заваренном чае, Уинский район) строится как шутивная оценка прозрачного напитка (ср.: костромское *Москву и Питер видно* в том же значении) одновременно с ксеномотивацией, выражением представления о чужом как о примитивном, некультурном, неправильном (название села связано с татарским личным именем *Иштеряк*).

Частый способ фразеологического применения символа-топонима – включение в состав выражения псевдотопонима. В пермском выражении *ухать в Новгород* 'умереть' вряд ли имеется в виду город Нижний Новгород (до которого от Перми более 1000 км.). Выражение скорее связано с идеей кладбища как города переселенцев и с восприятием нового как неизвестного. Фразеологизмы с псевдотопонимами показывают «географию» сугубо языковой картины мира. Чаще всего искусственные названия строятся как достаточно прозрачные аллюзии к реальным географическим названиям: пермские *собираться в Тихую деревню* 'умирать', *ухать в Могилёвку, в Могильную, в Крестовую деревню (в Звёздный городок)* 'умереть'. Основа вымышленных названий – каламбурные обыгрывания реалий,

связанных с идеей сна, смерти, бездеятельности и пр. (ср.: *Шаталова/Шаталкина деревня* 'место, где никто не работает', жаргонное *чалкина деревня* 'место заключения'). Представление сна, смерти и кладбища деревней, городом восходит к старой идее кладбищ-некрополей, в которых «продолжается» жизнь предков рода. Стремление определить место пребывания после смерти (а также во время сна, заключения в тюрьме, безумия, вообще времени выключенности из социальной, действенной среды) через мотив отправления в некий населенный пункт диктуется прежде всего эвфемическими установками.

Таким образом, в диалектной фразеологии широко используется способность имени собственного иметь переносные значения. Пространственная «картинка», информация о местонахождении, координате формирует фразеологизм, который получает сложную, часто экзистенциальную характеристику. Оттопонимический пласт народной идиоматики содержит большое количество общекультурных идей и сюжетов, связанных с обозначением точек пространства не топографического, а мифологического.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15–11–59002.

Список литературы

- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. (Исследования в области мифопоэтики). М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
- Федорова Е.А., Сливинский В.П.* Сибирь в лингвомифологическом континууме России: постановка проблемы осмысления в русском языковом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. Вып. 22(2). С. 27–32.

SYMBOLICS OF TOPONYMICAL REFERENCES IN FOLK PHRASEOLOGY

Ivan A. Podjukov

Head of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Russian folk dialect phraseology with toponymic components as figurative basis for a set expression is discussed in the article. Reflection of cultural and semiotic peculiarities of different classes of toponyms (ethnonyms, choronyms, placenames, hydronyms) in the inner form of dialect phraseological units, relatedness of toponymical plots with traditional mythological motives and ideas are examined in the article. Semantic range of phraseological units with toponymic components and their stylistic peculiarities are characterized. Peculiarities of semantic transformation of spatial characteristics into general ones are noted, the place of toponymical phraseology in dialectal world image is defined.

Key words: dialect phraseology; cultural connotations of Russian toponyms; semantic peculiarities of dialect phraseological units; phraseological folklore.